

КОРПОРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТАТУСОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Дорожинская Е. А.

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: dorozhinskaya-ea@ranepa.ru

Актуальность темы связана с ограничениями государственных (муниципальных) служащих в публичном праве и при реализации их прав и интересов в частноправовых отношениях. Статья посвящена выявлению в правовом регулировании деятельности государственных и муниципальных служащих, норм, относящихся к их участию в корпоративных отношениях. Анализируется понятие «конфликт интересов» и цель его введения в действующее законодательство. Исследуются ситуации, при которых установление ограничений прав государственных (муниципальных) служащих избыточно, так как прямой связи с возникновением конфликта интересов не наблюдается. Также выявляются возможные случаи внешне правомерного поведения, при которых возможны нарушения со стороны служащих в корпоративной сфере. Делается вывод о необходимости обнаружения и оценки нескольких составляющих поведения служащего, влекущих вероятность наступления конфликта интересов.

Ключевые слова: конфликт интересов, личная заинтересованность, ценные бумаги, корпоративные права, государственный служащий

DOI: 10.32324/2412-8945-2021-2-112-117

CORPORATE-LEGAL ASPECT OF THE CONFLICT OF INTERESTS IN THE IMPLEMENTATION OF THE STATUSES OF STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES

Dorozhinskaya Ye. A.

Siberian Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: dorozhinskaya-ea@ranepa.ru

The relevance of the topic is related to the limitations of state (municipal) employees in public law and in the exercise of their rights and interests in private law relations. The article is devoted to the identification of the activities of state and municipal employees in the legal regulation, the norms related to their participation in corporate relations. The concept of “conflict of interests” and the purpose of its introduction into the current legislation is analyzed. The situations in which the establishment of restrictions on the rights of state (municipal) employees is redundant, since there is no direct connection with the emergence of a conflict of interests, are examined. It also identifies possible cases of seemingly legitimate behavior, in which violations on the part of employees in the corporate sphere are possible. It is concluded that it is necessary to detect and evaluate several components of employee behavior that entail the likelihood of a conflict of interest.

Keywords: conflict of interest, personal interest, securities, corporate rights, civil employee

DOI: 10.32324/2412-8945-2021-2-112-117

Актуальность исследования подтверждается наличием неопределенности в толковании понятия «конфликт интересов», традиционно применяемого в сфере регулирования служебных отношений в контексте борьбы с коррупционными проявлениями. Корпоративный аспект проблемы проявляется в наличии фактической возможности участия государственных служащих в управлении корпорациями в ситуации конфликта интересов по причине отсутствия закрепленного в законе механизма выявления личной заинтересованности.

Научная новизна исследования представлена комплексным межотраслевым подходом к оценке правового регулирования ситуаций реализации

корпоративных прав государственными служащими в условиях наличия конфликта интересов.

Цель исследования — определение причин сложности нормативного закрепления механизма выявления личной заинтересованности государственного (муниципального) служащего при реализации им корпоративных прав.

Задачи исследования:

— выявление типичных ситуаций конфликта интересов, в которые попадают государственные служащие при участии в корпоративных правоотношениях;

— определение возможных направлений правового регулирования механизма выявления личной заинтересованности государственного служащего при реализации им корпоративных прав.

Методы исследования: метод анализа, системный метод, формально-юридический метод.

Исследуемому вопросу уже было уделено немало внимания в научной среде, им занимались В. А. Уткин [11], О. С. Капинус [4], А. Ф. Ноздрачев, Т.С. Глазырин [6], В. Н. Шмаков, А. В. Стерлигов [12], М. М. Венецкий [2], В. И. Малкина [7 ; 8], С. В. Колобова [5] и другие ученые. Тем не менее с точки зрения корпоративного права вопрос ранее не изучался.

Согласно определению, данному В. А. Уткиным, под конфликтом интересов понимается противоречие между частным интересом (например, получением дохода) и публичным (интересы службы, призванные служить правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства, которым причиняется вред), связанное с ненадлежащим исполнением должностных (служебных) обязанностей [11].

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — федеральный закон № 273-ФЗ) в отношении государственных и муниципальных служащих закрепил неоднозначные правила, касающиеся их поведения в условиях столкновения интересов.

Статья 10 вышеназванного закона определяет конфликт интересов как ситуацию, при которой личная заинтересованность служащего уже влияет или может в перспективе повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей. В пределах конкретной упомянутой ситуации обстоятельства должны сложиться так, чтобы необходимость принять конкретные меры, предотвращающие возникновение конфликта интересов, стала бесспорной [9]. Тем не менее многие руководители государственных и муниципальных органов считают, что обязанность, закрепленная в ч. 6 ст. 11 федерального закона № 273-ФЗ, должна быть исполнена их подчиненными в любом случае [3].

Далее п. 7 ст. 11 закрепляет обязанность служащего, владеющего ценными бумагами (например, доли участия), для предотвращения конфликта интересов передать все вышеперечисленное в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством. Возникает, по сути, абсурдная ситуация: служащий фактически без оснований и причин обязан самостоятельно и инициативно ограничить себя в правах. Исходя из законной формулировки эти действия надо совершать в любом случае, а не только в ситуации угрозы возникновения конфликта.

Кстати, в законе речь идет о любых ценных бумагах, среди которых особняком стоят корпоративные ценные бумаги. Легально закрепленного определения этих бумаг нет, но наиболее близким к их сущности является определение, данное С. М. Бойцовым: это эмиссионная ценная бумага, выпускаемая корпорацией и удостоверяющая право на участие в управлении корпорацией

и иные корпоративные права имущественного и неимущественного характера [1].

Закон не запрещает государственным и муниципальным служащим инвестирование в российские ценные бумаги и финансовые инструменты, приобретение акций российских корпораций, облигации и т. д. Однако в такой ситуации речь идет не просто о распоряжении денежными средствами. Одно дело — вложить их в облигации и получать доход, как все остальные граждане, другое дело — приобрести контрольный пакет акций корпорации, автоматически порождающий статус корпоративного участника, и при этом иметь возможность различными путями влиять на деятельность корпорации при исполнении своих должностных обязанностей.

Очевидно, что ограничения, налагаемые на должностных лиц, умаляют их права в частноправовой сфере. Но при внимательном изучении позиции законодателя становится ясно, что устоявшееся представление о том, что государственный служащий на время исполнения своих служебных обязанностей должен избавиться от принадлежащих ему ценных бумаг, передав их в доверительное управление, в корне неверно.

В ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — федеральный закон № 79-ФЗ) установлено, что ограничения начинают действовать исключительно при условии, что владение ценными бумагами уже приводит либо гарантированно может привести к конфликту интересов. Безусловно, такие последствия не всегда могут наступить, и данное мнение поддержано многими исследователями, утверждающими, что «обязанность государственного служащего передать принадлежащие ему ценные бумаги, акции... в доверительное управление является мерой предотвращения и урегулирования конфликта интересов в конкретной ситуации, когда государственному служащему стало известно о возможности такого конфликта» [6].

Упомянутая норма говорит о потенциальной возможности включения государственных служащих в корпоративные правоотношения. Вопрос состоит в том, может ли государственный служащий в период осуществления служебной деятельности реализовывать имущественные права по приобретению, владению и распоряжению ценными бумагами и, соответственно, корпоративными правами. Кроме того, возникают иные вопросы, связанные с необходимостью соблюдения запретов государственным служащим, а именно:

1. В каких случаях служащий имеет право приобретать ценные бумаги и владеть ими (подп. 4 п. 1 ст. 17 федерального закона № 79-ФЗ)?

2. Является ли деятельность по участию в корпоративных отношениях предпринимательской (п. 3 ст. 17 федерального закона № 79-ФЗ)?

3. Будет ли нарушением запрета ситуация, когда государственный или муниципальный служащий выступает скрытым бенефициаром в ком-

мерческой корпорации (или, скорее, не выявленным участником корпоративных отношений)?

Стоит отметить, что в сферах регулирования упомянутых законов не уточняется понятие ценной бумаги применительно к конкретным ситуациям, тем не менее виды ценных бумаг разнообразны, они могут порождать как имущественные, так и корпоративные права. Толкование закона приводит к пониманию ценной бумаги именно как источника права управления корпорацией (закон ставит рядом акции и доли участия). При этом законодатель забывает о судьбе немиссионных ценных бумаг, владение которыми вряд ли сможет стимулировать возникновение конфликта интересов.

При восприятии конфликта интересов как сложившейся обстановки, а передачи, например, ценных бумаг в доверительное управление как данности не утрачивается вероятность наступления конфликта интересов в дальнейшем. Государственный служащий, владеющий долей участия в корпорации, даже передав ее в управление третьим лицам, вполне может быть способен в силу своих должностных обязанностей участвовать в мероприятиях по контролю (надзору) за деятельностью этой организации, что не исключает возникновения конфликта.

Отдельно стоит упомянуть ситуацию, когда гражданин еще не имеет статуса государственного (муниципального) служащего, а только собирается его приобрести, участвуя в конкурсных процедурах. Для этого этапа формирования правовых отношений закон вообще не содержит превентивных правил, хотя у претендента на замещение конкретной должности уже могут иметься условия для возникновения конфликта интересов.

Например, если служащий получил акции юридического лица в период приватизации девятилетних годов и доля его в уставном капитале крайне малозначительна (миноритарный акционер), то перспективы возникновения конфликтной ситуации вообще не ясны, поскольку может отсутствовать личная заинтересованность в значительном масштабе. Как видно, пока невозможно выработать универсальный «рецепт» правового регулирования.

Тем не менее многие запреты ст. 17 федерального закона № 79-ФЗ фактически базируются на исключении личной заинтересованности, которая подробно определена в федеральном законе № 273-ФЗ и уточнена судебной практикой: это возможность получения служащим при исполнении должностных (служебных) обязанностей доходов в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц [10].

При этом причинная связь между конфликтом интересов и родственными связями государственного либо муниципального служащего может расцениваться по-разному. С одной стороны, в ст. 10 федерального закона № 273-ФЗ перечислены лица, находящиеся с государственным служащим в близком родстве или свойстве. С другой

стороны, ниже законодатель упоминает иных граждан, с которыми служащий связан имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями, но при этом никаких родственных связей не наблюдается. При этом нетрудно представить ситуацию, в которой просто дружеские отношения можно было бы расценить как близкие, не говоря уже о любовных связях. В итоге выявляется правовая неопределенность и расширяется возможный круг «связанных» лиц практически до бесконечности. Для правоприменителя это удобно в плане применения ответственности, хотя факты наличия связей нуждаются в доказывании, ведь гипотетически получение дохода от любой деятельности субъекта, прямо либо косвенно связанного со служащим, может быть расценена как личная заинтересованность. Использование служебного положения для поддержки и продвижения семейных, групповых, этнических, партийных, политических интересов, обслуживание прочих привязанностей и связей также в своей основе носят коррупционный характер, поскольку фаворитизм, протекционизм, покровительство и иные подобные проявления также относятся к злоупотреблению полномочиями [3].

Соответственно, несмотря на то что любой гражданин, реализуя свой гражданско-правовой статус, имеет право на приобретение имущественных благ и доходов от них, для государственных и муниципальных служащих законодатель привязывает эти процессы к результату исполнения лицом своих должностных обязанностей. Но между исполнением обязанностей и реализацией гражданских прав связь имеется не всегда.

Можно вспомнить установленное законом запрещение дарения служащим (п. 1 ст. 575 ГК РФ). Хотя причины ограничения права совершения безвозмездных сделок для служащих ясны, ст. 575 ГК РФ была в свое время дополнена п. 2, регулирующим дарение в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и т. д. Несмотря на вполне четкие установки норм законодательства, сложно было установить вышеупомянутую связь с исполнением служебных обязанностей, когда подконтрольная организация либо лицо пытались подарить государственному служащему подарок в связи с общепринятым поводом. По причине неоднозначности оценки данной ситуации для полного исключения конфликта интересов служащим и их родственникам традиционно рекомендуется воздержаться от получения каких бы то ни было подарков вообще, в том числе от собственных подчиненных.

Что же касается включения государственных служащих в корпоративные отношения, то приходится анализировать сущность каждой конкретной ситуации. Например, не стоит забывать, что государственный служащий может иметь статус инсайдера на основании ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рын-

ком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», что почти автоматически порождает его заинтересованность и, соответственно, конфликт интересов.

В то же время безобидное на первый взгляд увлечение государственного служащего игрой на бирже криптовалют может быть расценено как нарушение запрета, установленного ст. 17 федерального закона № 79-ФЗ, если торговля будет проходить в рабочее время и с рабочего места, так как законом запрещено использовать в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средства материально-технического и иного обеспечения. Но стоит отметить, что в этой ситуации конфликт интересов не будет.

Объективно говоря, конфликт интересов даже с точки зрения закона сам по себе не является правонарушением. Но механизм оценки противоправности взаимодействия субъектов неоднозначен.

Например, при выявлении конфликта интересов с участием руководителя традиционно определяется круг полномочий его заместителя. Практика показывает, что конфликт интересов может возникнуть как при выполнении заместителем прямых указаний руководителя, так и при инициативной деятельности заместителя.

Стоит упомянуть различие между конфликтом интересов и злоупотреблением (превышением) должностными полномочиями, закрепленными в УК РФ. Состав правонарушений отличается, в результате чего невозможно перевести действия в условиях конфликта интересов в разряд преступлений, о чем еще в 2009 г. утверждалось в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19.

Рассматривая следующий запрет для государственных служащих — заниматься предпринимательской деятельностью — обратим внимание на судебную практику.

Государственный или муниципальный служащий, становясь акционером, тем не менее, не становится предпринимателем. Такой вывод следует из определения предпринимательской деятельности, содержащегося в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, а также вытекает из толкования норм права, проведенного Конституционным Судом Российской Федерации в 2004 г. в постановлении от 24 февраля 2004 г. № 3-П, в результате чего было признано, что деятельность акционеров не является предпринимательской, а относится к иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Но для служащего запрет заниматься предпринимательской деятельностью сопрягается с запретом участвовать в управлении коммерческой организацией. Акционер, обладающий обыкновенными акциями, так или иначе будет включен в управление обществом, поскольку, завладевая не менее 2 % акций, приобретает право на внесение вопросов в повестку дня общего собрания участников и право на выдвижение кандидатов в органы управления и иные органы акционерного общества.

В целях устранения противоречий с требованиями закона служащий может стать «привилегированным» акционером по общему правилу, не имея права голоса на общем собрании акционеров. Но некоторые управленческие функции такому акционеру действующим законодательством все же даны. Например, в ст. 18 и 19 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» акционеру предоставляется право на участие в избрании совета директоров общества, создаваемого путем реорганизации, путем разделения и выделения. Статья 32 названного закона раскрывает содержание прав такого акционера, включая право участия в общем собрании с правом голоса по вопросам, решение по которым в соответствии с законом принимается единогласно всеми акционерами общества. Таким образом, и у привилегированного акционера могут быть в определенных случаях права на участие в управлении обществом, что возвращает деятельность данного должностного лица в зону запрета. К тому же тенденции изменения корпоративного законодательства направлены в сторону расширения статуса привилегированного акционера.

Есть еще один маневр, позволяющий государственному либо муниципальному служащему выйти за границы запрета участия в управлении корпорацией. Статья 67.2 ГК РФ предлагает схему, согласно которой должностное лицо может выступить как третье лицо, заключившее договор с участниками корпорации об осуществлении ими корпоративных прав. На этот договор будут распространяться правила о корпоративном договоре в целом, в том числе о нераскрытии его содержания. Ничто не мешает заключить соглашение таким образом, что должностное лицо, обладая контрольным пакетом акций или преобладающей долей в обществе, предоставит иному лицу право управления корпорацией. Соответственно, норма закона нарушена не будет, а истинный управляющий субъект будет фактически сложно определяем.

Вообще действующее законодательство во многих аспектах создает условия для нарушения федерального закона № 273-ФЗ. Например, Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах», определяя особенности соглашения об управлении партнерством, гласит, что его сторонами могут быть лица, не являющиеся участниками партнерства. При этом соглашение подлежит нотариальному удостоверению, но не требует государственной регистрации, а сведения о нем и о содержащихся в нем положениях не вносятся в единый государственный реестр юридических лиц. В результате становится возможной ситуация, при которой государственный или муниципальный служащий, фактически выступая участником соглашения, не является участником партнерства, не вносит вклад в складочный капитал, вследствие чего объективно невозможно выявить факт его участия в управлении партнерством как коммерче-

ской организацией, так как участники партнерства и нотариус не склонны разглашать подобную информацию.

Для эффективного предупреждения конфликта интересов приоритетным является не применение ответственности, а снижение до минимума вероятности возникновения коллизий. Проблема в том, что конфликт интересов или перспективу его возникновения бывает сложно

оценить самим включенным участникам отношений. Целесообразно выявить наличие связи государственного или муниципального служащего (имущественной, корпоративной, иной) с субъектом взаимодействия, влекущей получение каких-либо благ или выгод (преимуществ), а также траектории пересечения этой связи с кругом должностных (служебных) обязанностей служащего.

Список литературы

1. Бойцов С. М. Понятие корпоративной ценной бумаги // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-korporativnoy-tsennoy-bumagi> (дата обращения: 29.03.2021).
2. Венецкий М. М. Конфликт интересов // Законность. 2020. № 8. С. 24—27. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
3. Григорьев В. В. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
4. Капиус О. С. Правовые проблемы предупреждения конфликта интересов в системе государственного управления // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 15—19. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
5. Колобова С. В. Конфликт интересов на государственной гражданской службе: изменения правового регулирования // Современное право. 2016. № 9. С. 44—48. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
6. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: научно-практическое пособие / Т. С. Глазырин, Т. Л. Козлов, Н. М. Колосова [и др.] ; отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : ИНФРА-М, 2016. 224 с. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
7. Малкина В. И. Конфликт интересов и корпоративный конфликт: проблемы классификации и соотношение понятий // Юрист. 2018. № 4. С. 46—54. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
8. Малкина В. И. Деловая коррупция и конфликт интересов: тенденции и проблемы правового регулирования // Гражданское право. 2018. № 2. С. 39—42. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
9. Обзор практики по рассмотрению в 2012—2013 годах дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 30 июля 2014 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
10. Обзор практики применения судами в 2014—2016 годах законодательства Российской Федерации при рассмотрении споров, связанных с наложением дисциплинарных взысканий за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 30 нояб. 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2017. № 8. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
11. Уткин В. А. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе и механизм его предотвращения и урегулирования // Безопасность бизнеса. 2018. № 5. С. 11—18. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
12. Шмаков В. Н., Стерлигов А. В. К вопросу о соотношении публичных и частных интересов в условиях конфликта на государственной службе: теоретико-правовые аспекты // Власть Закона. 2017. № 3. С. 108—120. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2021).

Bibliography

1. Boitsov S.M. Ponyatie korporativnoi tsennoi bumagi. *Leningrad-skii yuridicheskii zhurnal*, 2015, no 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-korporativnoy-tsennoy-bumagi> (accessed 29.03.2021).
2. Venetskii M.M. Konflikt interesov. *Zakonnost'*, 2020, no 8, pp. 24—27. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.03.2021).
3. Grigor'ev V.V. Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ "O protivodeistvii korruptsii" (postateinyi). URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.03.2021).
4. Kapinus O.S. Pravovye problemy preduprezhdeniya konflikta interesov v sisteme gosudarstvennogo upravleniya. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2018, no 3, pp. 15—19. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.03.2021).
5. Kolobova S.V. Konflikt interesov na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe: izmeneniya pravovogo regulirovaniya. *Sovremennoe pravo*, 2016, no 9, pp. 44—48. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 29.03.2021).
6. Glazyrin T.S., Kozlov T.L., Kolosova N.M. Konflikt interesov na gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhbe, v deyatel'nosti organizatsii: prichiny, predotvrashchenie, uregulirovanie: nauchno-prakticheskoe posobie / ed. A.F. Nozdraчев, Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, INFRA-M, 2016, 224 p. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.03.2021).
7. Malkina V.I. Konflikt interesov i korporativnyi konflikt: problemy klassifikatsii i sootnoshenie ponyatii. *Yurist*, 2018, no 4, pp. 46—54. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.03.2021).
8. Malkina V.I. Delovaya korruptsiya i konflikt interesov: tendentsii i problemy pravovogo regulirovaniya. *Grazhdanskoe pravo*, 2018, no 2, pp. 39—42. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.03.2021).
9. Obzor praktiki po rassmotreniyu v 2012—2013 godakh del po sporam, svyazannym s privlecheniem gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh k distsiplinarnoi otvetstvennosti za sovershenie korruptsionnykh prostupkov : utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii 30 iyulya 2014 g. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.03.2021).

10. Obzor praktiki primeneniya sudami v 2014—2016 godakh zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii pri rassmotrenii sporov, svyazannykh s nalozheniem distsiplinarnykh vzyiskanii za nesoblyudenie trebovaniy zakonodatel'stva o protivodeistvii korruptsii : utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii 30 noyab. 2016 g. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii*, 2017, no 8. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.03.2021).

11. Utkin V.A. Konflikt interesov na gosudarstvennoi i munitsi-pal'noi sluzhbe i mekhanizm ego predotvrashcheniya i uregulirovaniya. *Bezopasnost' biznesa*, 2018, no 5, pp. 11—18. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.03.2021).

12. Shmakov V.N., Sterligov A.V. K voprosu o sootnoshenii publichnykh i chastnykh interesov v usloviyakh konflikta na gosudarstvennoi sluzhbe: teoretiko-pravovye aspekty. *Vlast' Zakona*, 2017, no 3, pp. 108—120. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.03.2021).

ДОРОЖИНСКАЯ Елена Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: dorozhinskaya-ea@ranepa.ru

Yelena A. DOROZHINSKAYA — Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: dorozhinskaya-ea@ranepa.ru